
СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ЭПОХИ АЛЕКСАНДРА II: ДЕКЛАРАТИВНОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

Е.С. Козловская

Кафедра русского языка № 4
Факультет русского языка и общеобразовательных дисциплин
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/3, Москва, Россия, 117198

Анализируя защитительные тексты эпохи судебной реформы Александра II, автор статьи реконструирует действующую в обществе той эпохи систему этических ценностей, которая оказывается во многом противопоставленной декларируемым ценностям.

Ключевые слова: базовая антитеза защитительного текста, декларируемые и действительные этические ценности, семиотика стиля защитительного текста.

Описать декларируемые этические ценности достаточно просто — они сформулированы в толковых и философских словарях.

А как обнаружить то, что не декларируется, не воображается, не идеализируется, но действительно существует? Сознательно люди могут признавать одну этическую систему, а бессознательно — подчинять свои действия и поступки совершенно иной.

Анализ текстов, которые оказывали действенное влияние на людей определенной эпохи, позволяет вычислить достаточно устойчивую объективную шкалу ценностей, которые не декларировались, но действовали в обществе того времени. Выступления адвокатов в суде присяжных побуждали присяжных заседателей либо освободить преступника, либо уменьшить степень его наказания. Эти тексты и послужили материалом нашего исследования.

Суды присяжных возникли в результате судебной реформы Александра II, царя-освободителя, с именем которого связана не только отмена крепостного права, но и серьезные реформы во многих сферах общественной жизни.

Отмена крепостного права повлекла за собой коренные изменения в образе жизни и в мировоззрении людей. Не могла остаться неизменной и структура общественных отношений. Идея судебной реформы появилась в один год с отменой крепостного права, в 1861 г., но реализовывать ее начали только в 1864 г. Судебная реформа предусматривала проведение открытых судебных заседаний, в которых принимали участие адвокаты со стороны защиты — «присяжные поверенные» и прокуроры со стороны обвинения. Вводился *принцип бессловности суда*, согласно которому происхождение обвиняемого не могло повлиять на вынесение приговора. Соблюдению этого принципа способствовало также присутствие при рассмотрении судебных дел присяжных заседателей. Согласно «Судебным уставам» 1864 г. [1. С. 78—85] в присяжные заседатели избирались представители всех четырех сословий — дворяне, буржуа, рабочие и крестьяне. Вводился воз-

растной ценз: присяжными могли стать люди не моложе 25 и не старше 70 лет с дополнительным условием, что они не менее двух лет живут в том уезде, где происходит судебное заседание. В списки для избрания присяжных вносились почетные мировые судьи; чиновники, состоящие на государственной гражданской службе, в должностях от пятого до четырнадцатого классов, согласно Табели о рангах; крестьяне, служащие судьями волостных судов. Кроме этого перечня, присяжным также мог стать человек, владеющий не менее чем ста десятинами земли или любым имуществом на сумму две тысячи рублей в Петербурге или Москве, одна тысяча в любом из губернских городов и пятьсот рублей в любом другом населенном пункте.

Несмотря на некоторые ограничения, присяжными заседателями становились представители всех классов российского общества. Поэтому выступления адвокатов на судебном заседании должны были строиться так, чтобы воздействовать не на представителей отдельных сословий, а на нормы и ценности общества в целом. Значит, опираясь на выступления адвокатов, которые выигрывали уголовные дела в то время, можно реконструировать действующую, а не декларируемую модель общественного сознания, которая существовала в России того времени.

В судах присяжных рассматривались разные уголовные дела, среди которых были и политические, и те, которые называют бытовыми преступлениями, дела о кражах, о защите чести и достоинства. Вне зависимости от того, к какой категории относилось дело, цель адвоката одна: подзащитного необходимо было представить как человека положительного и найти оправдание для совершенного им и уже доказанного преступления, а жертву представить как человека порочного.

Семантическое развитие защитительных текстов происходит нелинейно, а одновременно в нескольких направлениях: и в параллельных, и в пересекающихся, и в противоположных, и в разноплоскостных. Адвокаты той эпохи ищут для смягчения наказания этические и психологические основания, а не только юридические. Поэтому в семантической модели защитительного текста в фокусе внимания оказываются представления не о законности/незаконности, а о правде/неправде, истине/лжи, честности/непорядочности. Такая установка определяет и стилистику текста. Во многом они соответствуют публицистическому функциональному стилю.

В переломные исторические эпохи происходит перераспределение внутри функциональных стилей. Эпоха реформ Александра II также относится к переломным и характеризуется общим сдвигом функциональных стилей в направлении стиля публицистического, который вытесняет другие функциональные стили и входит во многие сферы общественной жизни, в том числе и в сферу юриспруденции.

Формой правления в России того времени являлась абсолютная монархия, официальной государственной религией — православие, само общество было относительно патриархальным. В общественном сознании декларативно сохранялись абсолютные этические ценности, к которым относятся «ценность жизни <...> справедливость, смелость, любовь к ближнему, правдивость и искренность, верность

и преданность, вера, скромность и смирение, ценность обращения с другими» [2. С. 478].

Если присяжные соглашаются с адвокатом и оправдывают преступника или серьезно смягчают его наказание, значит, адвокат воздействует на скрытые, иногда неосознаваемые этические установки общественного сознания, объединяющего все социальные сословия.

В выступлениях адвокатов этические постулаты, которые в то время признавались общепринятыми, оказываются относительными. Открыто от декларируемых этических ценностей адвокаты не отказывались, но формируемые контекстуальные значения делают прежние этические представления о верности, семье, измене, честности относительными. Новая «этическая система» срабатывает — присяжные признают преступника невиновным.

Регулярно возобновляемая универсальная модель защитительного текста строится на противопоставлении положительного образа преступника и отрицательного образа жертвы. Независимо от того, что совершил преступник, в интерпретации адвоката его поступки будут нравственными и/или психологически обоснованными, а поступки жертвы преступления — безнравственными. Так, оперируя понятиями *нравственного/безнравственного*, адвокат смещает само представление о нравственности, о чем свидетельствует следующий пример, относящийся не к жертве, а к преступнику, зарезавшему свою жену:

«верный муж в самом точном смысле этого слова», «скромный мужчина», «целомудренный, чистый, склонный к единолюбию», *N* участвовал во всевозможных благотворительных обществах и заслужил разные почетные звания *N*.

Относительными становятся даже, казалось бы, безусловные этические ценности, например супружеская верность.

В общепринятой модели, которая воспроизводится в словаре антонимов, понимание супружеской верности основано на известных противопоставлениях: *верность ↔ измена, жена ↔ любовница, муж ↔ любовник*. В выступлениях адвокатов противопоставление *верность/измена, жена/любовница, муж/любовник* сначала расшатывается, а сами слова приобретают новые контекстуальные значения. Не заявленная, а действительная этическая модель реконструируется за счет выведения контекстуальных значений.

Подмена содержания происходит постепенно. Сначала *жена* отождествляется с *любовницей*, а *муж* — с *любовником*: «Убийство **жены или любовницы**, точно также как убийство **мужа или любовника**, словом, лишение жизни **самого близкого существа на свете...**» [3. С. 335].

жена = любовница }
муж = любовник } = 'самое близкое существо на свете'.

Так буквенно-звуковые последовательности «жена» и «любовница», «муж» и «любовник» сначала семантически противопоставляются, потом семантически сопоставляются на том основании, что и *жена*, и *любовница*, и *муж*, и *любовник* — '**самое близкое существо на свете**'. При таком соотношении имеются в виду

не те целомудренные значения, которые можно найти в словаре Даля: муж — «супруг» [4. С. 246], жена — «замужняя женщина; супруга», любовник, любовница — «влюбленные друг в друга, чета любящаяся или *находящаяся в супружеских отношениях*», а смыслы, которые отражают декларативную этику в толковом словаре более позднего времени: любовница — «женщина, по отношению к мужчине, находящемуся с ней во *внебрачной связи*»; любовник — «мужчина, по отношению к женщине, находящейся с ним во *внебрачной связи*» [5. С. 504].

Далее значение слова *жена* не только начнет совпадать со значением слова *любовница*, но и совпадать со значениями слов *наложница* и *содержанка*: жена и любовница — наложницы, потому что делят ложе с мужчиной; жена и любовница — содержанки, потому что мужчина их содержит:

Жена = любовница = 'наложница + содержанка'.

«Если мужчина повенчан с женщиной, о ней говорят: „супруга“. А если нет, ее называют: «наложница, содержанка». Но разве законная жена не знает, что такое „ложе“? Разве муж почти всегда не „содержит“ свою жену?» [3. С. 336].

Оправдывая преступника, присяжные бессознательно соглашаются и с контекстуально формируемой этикой.

мужчина целомудренный, чистый — '*человек, знавший в течение тридцати лет всего двух женщин*': «<...> Андреев, знавший в течение тридцати лет всего двух женщин, может быть назван мужчиной целомудренным, чистым, склонным к единомулюбию» [3. С. 336].

Таким образом, мужчина **целомудренный, чистый** = мужчина, **склонный к единомулюбию** = мужчина, '*знавший в течение тридцати лет всего двух женщин*'.

Верный муж — '*муж, которого жена отдает сопернице*': «Началась ломка семьи. Жена нелегко отдавала своего верного мужа, тем более, что соперница скандалила и всячески оскорбляла ее».

Безупречный муж — '*мужчина, который вступил в брак после всяческого дебоширства*': «То есть, конечно, есть на свете безупречные женщины, не знавшие никого, кроме своего мужа. Бывают и мужья, остающиеся верными своим женам, вступая с ними в брак после всяческого дебоширства» [3. С. 336].

Возникающие представления о безупречном муже не совпадают с представлениями о безупречной жене:

Безупречная жена — '*женщина, не знавшая никого, кроме своего мужа*': «есть на свете безупречные женщины, не знавшие никого, кроме своего мужа».

Кажущееся неоспоримым понятие супружеской верности «ослабляется», а потом приобретает иное значение. За адвокатом остается возможность одного и того же человека в зависимости от того, защищает он его или нет, вписать либо в декларативную, общепринятую этическую модель, либо в модель, действующую на уровне бессознательного.

Истинный брак — '*он, даже если ушел от своей первой жены, заменяет для нее [для второй жены] всех мужчин, а она, [вторая жена] даже если он ушел*

к ней, заменяет для него всех женщин': «Истинным браком я называю такой любовный союз между мужчиной и женщиной, когда ни ей, ни ему никого другого не нужно, — когда он для нее заменяет всех мужчин, а она для него всех женщин. И в этом смысле для Андреева, избранная им подруга, была его истинной женой».

Истинным браком в трактовке адвоката является не венчанный брак, а отношения, в которых избранная подруга заменяет для мужчины всех остальных женщин, или друг для женщины — всех мужчин.

Такое представление об истинном браке формируется в речи адвоката, несмотря на то, что в то время брак был только венчанным, а понятие так называемого гражданского брака отсутствовало. Во время венчания жених и невеста получают Божью благодать для супружеского счастья и для благословенного рождения и христианского воспитания детей: «Венцы полагаются на брачующихся, в знамение победы, для того чтобы показать, что они, непобедимые страстью до брака, таковыми приступают и к брачному ложу» (св. Иоанн Златоуст. 9 беседа на I Тим.).

В деле Андреева, из которого приведены примеры, есть три действующих лица: преступник, его первая жена, которую он оставил, и вторая жена, которую он убил, когда она захотела от него уйти. Контекстуальное определение истинного брака позволяет адвокату оправдать поступок своего подзащитного, который сначала изменил своей первой жене, а затем и сам стал обманутым мужем. Это становится возможным только в обществе, в котором христианское таинство венчания уже обесценено и сохраняется только как церемония, внешнее действие.

Оправдывая преступника, присяжные выражают свое согласие с адвокатом и признают действительными реконструированные нами по выступлениям адвокатов этические представления о браке, о супружеской верности.

Защитительный текст нацелен на то, чтобы перераспределить внимание присяжных: так, чувства людей, пострадавших от действий преступника, будут редуцироваться, а страдания подзащитного, напротив, гиперболизироваться.

Когда преступника бросает вторая жена, он испытывает те же самые страдания, которые испытывала его первая жена, когда он от нее ушел. Но о страданиях первой, брошенной жены адвокат почти не говорит. Напротив, чувства самого преступника, оставленного второй женой, адвокат рассматривает крайне подробно. Выстраивается психологическое оправдание совершенного преступления:

переживание измены

чувства первой жены Андреева

чувства самого Андреева

редукция ←————→ гиперболизация

«жена нелегко отдавала своего верного мужа»

«Весь привычный порядок жизни исчез! Муж теряет жену. Он не спит, не ест от неожиданной беды. Он все еще за что-то цепляется...»

«В жизни Андреева произошло нечто вроде землетрясения, совсем как в Помпее или на Мартинике.»

Чтобы вызвать сострадание к преступнику, адвокат использует развернутое сравнение, которое развивается в динамический сюжет и подчеркивает силу переживаемых преступником чувств:

«Чудесный климат, все блага природы, ясное небо.
Вдруг показывается слабый свет, дымок.
Затем, черные клубы дыма, гарь, копоть.
Все гуще. Вот уже и солнца не видать. Полетели камни.
Разливается огненная лава. Гибель грозит отовсюду. Почва колеблется. Безвыходный ужас.
Наконец, неожиданный подземный удар, треск, и — все погребло» [3. С. 342].

Воздействие на присяжных идет одновременно в двух направлениях — идеализация убийцы и порицания его жертвы, которая была:

- «ужасно пуста и мелочно тщеславна»;
- «выросла в такой среде, где легкое поведение девушки не считалось позорным»;
- «рисковала “ходить по рукам”»;
- «легкость обращения с мужчинами осталась у нее с первой молодости»;
- «помыкала в безденежье»;
- «не раз обманывала мужа».

На присяжных воздействуют и мощные стилистические средства. Говоря о жертве, адвокат использует просторечные слова с ярко выраженной отрицательной оценкой:

- «обставила»: ‘обыграла, обманула’;
- «рисковала “ходить по рукам”»: рисковала ‘переходить, передаваться от одного к другому’;
- «для нее все было “трын-трава”»: для нее все ‘не имело значения; было безразлично, никак не трогало’;
- «она, как сорока, трещит»: ‘говорит быстро и много, не умолкая; тараторит’;
- «она только бесилась»: ‘привередничала, капризничала от безделья, пресыщения’;
- «женщина, поднятая из грязи»: она была ‘женщиной низменной, безнравственной, бесчестной и т.п.’;
- «дикое, тупое существо»: ‘с умственной ограниченностью’ [5].

При создании образа преступника просторечная лексика не используется: «Андреев **исполнял** все **прихоти** второй жены. **Отдавал** ей **все, что у него было**. Уступал **резкостям**, всегда умел **оправдывать шероховатости**». Подзащитный в трактовке адвоката выглядит человеком уступчивым, терпимым.

жертва

«бесилась»

«обставила»

«тупое существо»

«мелочна и пуста»

преступник

«уступал ее резкостям»

«умел оправдывать ее шероховатости»

«Резкости», «шероховатости» — эти слова подчеркивают терпимость преступника по отношению к своей второй жене. Литературная речь, которой описывается преступник, сменяется просторечиями, когда адвокат говорит о его жертве. Резкая стилистическая дифференциация языковых средств — мощный способ формирования положительного образа преступника и отрицательного образа жертвы, эффективно влияющий на мнение присяжных: преступника оправдывают.

Несмотря на доказанную вину, создаваемый на протяжении всего защитного выступления отрицательный образ жертвы и положительный — преступника воздействуют на присяжных таким образом, что они оправдывают убийцу. Используемая адвокатом сложная семантическая модель, в которой сначала происходит противопоставление, а затем сравнение, создается с одной целью: представить преступника не как преступника, а как жертву. Восприятие обширного текста на слух не дает возможности с точностью установить контекстуальные значения, формируемые в речи адвоката. Подмена этических ценностей остается незамеченной, но эффективно действующей.

Функциональная нагрузка категории стиля в защитительных текстах заключается в формировании отношения слушателей-присяжных к рассматриваемому факту действительности или к человеку. Стиль характеризует не говорящего, адвоката, а определяет положительное отношение слушателей, присяжных заседателей, к убийце и отрицательное — к жертве.

Воздействие защитительных речей на слушателей очевидно, так как после выступления адвоката присяжные принимали решение о дальнейшей судьбе обвиняемого. В эпоху судебной реформы Александра II адвокаты оперируют не только Законом и фактическими обстоятельствами самого преступления. Более того, факты, напрямую относящиеся к совершенному преступлению, в защитительных речах присутствуют минимально. Основное внимание уделяется этической стороне рассматриваемых дел.

Анализ защитительных текстов и выявление контекстуальных значений общепринятых этических понятий позволяет сделать вывод, что действующие в российском обществе того времени этические ценности не всегда совпадали, а иногда даже противопоставлялись ценностям декларируемым.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть третья. — СПб., 1867. — С. 78—85. [Sudebnye ustavy 20 nojabrja 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdenij, na koih oni osnovany. Chast' tret'ja. — Sankt-Peterburg, 1867. S. 78—85.]
- [2] Философский энциклопедический словарь / Под ред. Е.Ф. Губского. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 574 с. [Filosofskij jenciklopedičeskij slovar' / Pod red. E.F. Gubskogo. — M.: INFRA-M, 2006. — 574 s.]
- [3] Андреевский С.А. Судебные речи. — М.: Юрайт, 2010. — С. 335—345. [Andreevskij S.A. Sudebnye rechi. — M.: Jurajt, 2010. — S. 335—345.]
- [4] Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. — М.: Эксмо-Пресс, 2001. — 736 с. [Dal' V.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Sovremennaja versija. — M.: Jeksmo-Press, 2001. — 736 s.]

- [5] Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — 702 с. [Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. / Pod red. A.P. Evgen'evoj. — 4-e izd., ster. — M.: Rus. jaz.; Poligrafresursy, 1999. — 702 s.]

RUSSIAN SOCIETY'S VALUE SYSTEM AT THE EPOCH OF ALEXANDER THE II: DECLARATORY AND ACTUAL

E.S. Kozlovskaya

Department of Russian Language № 4
Faculty of Russian language and general educational disciplines
Peoples' Friendship University of Russia
Miklyho-Maklaya str., 10/3, Moscow, Russia, 117198

Analyzing defensive texts pertaining to the times of judicial reform of Alexander the II the author of the article reconstructs the ethical value system actually valid at the Russian society of that period and largely opposed to the declared ethical values.

Key words: the basic antithesis of a defensive text, declaratory and actual ethical values, semiotics of style of a defensive text.